

## МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ ПЕРЕВОДА КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНТЕГРАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Т.Г. Пшенкина

**Аннотация.** Междисциплинарность – одна из характерных черт современной науки, обусловленная происходящими в ней интегративными процессами. В статье данное явление рассматривается в рамках переводоведения, которое по природе обладает тесными связями с рядом гуманитарных дисциплин. Широкое распространение так называемых стыковых исследований, взаимодействующих с переводом, заставляет задаться вопросом, является ли междисциплинарность в этом случае преимуществом или недостатком. Попытка обосновать плодотворность подобного подхода осуществляется с привлечением данных коммуникативной, психолингвистической и когнитивной парадигм.

**Ключевые слова:** перевод; переводческая теория и практика; междисциплинарность; парадигма знаний; экспансионизм; интеграция знаний.

Перевод – один из видов языкового посредничества, и его успех достигается благодаря опыту, полученному как в ходе многовековой переводческой практики, так и ее осмысления, анализа, которыми занимается современное переводоведение. Однако говорить о прочном союзе теории и практики перевода все еще не приходится, о чем свидетельствует ряд статей, появившихся в последние годы в журнале переводчиков «Мосты» [1–3] и в других работах по данной тематике [4].

Причин, на наш взгляд, несколько. Одна из них восходит еще к середине 1950-х гг., к самой идее выделения теории перевода как самостоятельной теоретической дисциплины. Оппоненты ссылались на то, что объяснительные возможности переводческих решений можно найти в положениях сравнительного языкознания, литературоведения, герменевтики и других наук. Позже даже очевидные достижения теоретиков перевода, например, выделение ими приемов, описывающих наиболее общие, закономерные преобразования, выявляемые при сопоставлении языков, не способствовали единству мнений ученых относительно пользы подобной теории. Считалось, что основные задачи, которые решались в рамках данного направления, связаны с анализом уже выполненных переводов и с описанием наиболее общих, объективных закономерностей процесса переводческих преобразований. Отсюда делался вывод о том, что предложенные теоретические обобщения не выводят новую теоретическую дисциплину на более высокий качественный уровень, она по-прежнему «находится в хвосте переводческой практики» [5. С. 50].

Переводоведение 1970–1980-х гг., признавая роль языка как первичной моделирующей системы в процессе перевода, тем не менее, пыталось ее не гипертрофировать. Так, например, в одной из своих работ А.Д. Швейцер солидаризируется с мнением югославского лингвиста В. Ивира относительно того, что «лингвистический компонент перевода является центральным в том смысле, что он управляет процессом перевода во всех случаях, когда не вступает в противоречие с требованиями других компонентов» [6. С. 60]. Перевод в понимании ведущих российских и немецких переводоведов того времени предстает как акт коммуникации, осуществляемый его участниками с целью достижения определенного коммуникативного эффекта. С современных позиций этот эффект принимает форму «как минимум понимания получателем переводного текста интенции автора оригинала либо как максимум оказания на получателя перевода определенного коммуникативного воздействия, соответствующего коммуникативной интенции автора исходного текста» [7. С. 130].

Таким образом, коммуникативный подход к переводу наглядно продемонстрировал необходимость обращения к еще одной составляющей акта межкузыковой коммуникации – к человеку (продуценту, реципиенту, посреднику). Это осознание совпало по времени со становлением в гуманитарных науках новой антропоцентрической парадигмы.

В сборниках научных статей и программах конференций конца 1990-х – начала 2000-х гг. переводческая тематика приобрела широкую популярность. По мнению М.Я. Цвиллинга, переводоведение в ту пору «из периферийной области литературно-лингвистических исследований, за которой далеко не всеми признавалось даже право на самостоятельное существование», проделало головокружительный путь до «широко разветвленного междисциплинарного научного направления» [8. С. 32]. Именно на междисциплинарности в переводоведении и хотелось бы более подробно остановиться в данной статье.

Сегодня не возникает сомнений в целесообразности интеграции знаний разных наук для наиболее полного изучения любого объекта исследования. Экспансионизм остается одной из основных парадигмальных черт науки, в том числе и лингвистической, которые были выделены Е.С. Кубряковой [9. С. 207]. Плодотворность связей переводоведения со смежными науками традиционна и очевидна: смена научных парадигм в языкознании – изменение «стиля мышления», эволюция постановок проблем и их решений, новый взгляд на соотношение объекта и предмета внутри дисциплин – способствует выделению новых ракурсов перевода, осмыслению переводческих стратегий и формированию объяснительной базы для избираемых вариантов перевода.

Не менее значимой оказывается и обратная связь гуманитарных дисциплин с переводом, о чем свидетельствует стремительный рост

интереса к нему со стороны смежных наук. Ряд ученых объясняют этот интерес тем, что современный подход к языку как средству доступа к ментальным процессам, осуществляемым в человеческом сознании, предопределяет стремление исследователей обнаружить верифицируемые корреляции между оперативными единицами сознания и объективирующими их языковыми знаками. Действительно, возможности анализа переводов для выявления сущностных характеристик «деятельности интеллекта» объективно велики, так как перевод – прежде всего речемыслительный процесс, и любые направления анализа этого процесса дают дополнительную информацию об особенностях речемыслительной деятельности в целом. Более того, так как из-за мены кода ментальные процессы в межъязыковом переводе совершаются дважды, а результаты мыслительного процесса по необходимости материально запечатлеваются, то перевод становится естественным способом получения объективных данных о работе человеческого мышления [10–12].

Однако чрезмерное расширение предметного поля переводоведения вызывает справедливые нарекания со стороны практиков и теоретиков перевода. Убедительные и во многом обоснованные аргументы по данному вопросу приведены в уже упоминавшейся статье Д.М. Бузаджи и В.К. Ланчикова «Скорбный список. О бедах современного русского переводоведения» [2]. По мнению авторов, в стремлении решить конкретные задачи отдельного исследования собственно переводческие проблемы часто уходят на второй план, теоретические постулаты оказываются оторванными от практики перевода, а основополагающие переводческие понятия и термины приобретают довольно вольную и расплывчатую трактовку. «Понятия и терминология посторонних областей заимствуются не для разрешения насущных задач, а по велению моды. <...> Зачастую этот процесс сопровождается активной метафоризацией: заимствованные понятия утрачивают присущую им в родной среде терминологичность и становятся лишь символами, которыми переводовед-метафоризатор волен жонглировать по своему усмотрению» [Там же. С. 53].

Озабоченность авторов положением дел в переводоведении очевидна. Статья действительно затрагивает самые актуальные вопросы теории и дидактики перевода, которые давно осознаются и требуют (*cry for*) если не ответов, то хотя бы обсуждения. На наш взгляд, она отражает общее «неоднозначное» отношение теории перевода к некоторым смежным с переводом дисциплинам. Признавая продуктивность интегративных исследований, их обращение к данным, например, психологии (учет в процессе перевода результатов ассоциативных экспериментов), корпусной лингвистики (способствующей подбору наиболее аутентичного конвенционального способа выражения заданного в оригинале смысла), переводоведение одновременно стремится отстоять

свою автономность. Отсюда несколько скептическое отношение «к написанному в русле того, что широко именуется когнитивной лингвистикой», неоднозначно отношение к переводоведческим работам, выполненным в психолингвистической парадигме. И все-таки вывод, сделанный более десяти лет назад Ю.А. Сорокиным относительно роста числа теоретических работ, в которых предприняты попытки уточнения и детализации существующих переводческих моделей, в то время как их значение и использование в деятельности переводчиков сводятся к минимуму [13. С. 69–70], не совсем правомерен. Представляется, что интеграция переводческих моделей, построенных на различных парадигмальных основаниях, способствует решению переводоведческих задач, обладает реальной возможностью сблизить переводческую теорию и практику и повысить объяснительный потенциал выполненных переводческих преобразований.

В качестве примера обратимся к потенциалу трех современных парадигм для решения одной из основных переводческих проблем – реконструкции и передачи интенционального смысла. Если исходить из того, что понимание осуществляется в результате интересубъектной деятельности, то рожденный смысл не может быть единственным и окончательным. Проследим, каким образом сторонники разных моделей предлагают справиться с этой проблемой.

Так, сторонники **психолингвистических** моделей перевода некую отправную точку для объективации представлений о взаимоотношениях слова и постоянно варьирующихся и растягивающихся смыслов усматривают в обращении к психической, умственной, эмоциональной и интенциональной деятельности тех, кто пишет, читает и переводит (подробнее см.: [14]). Предполагается, что механизмы переводческого процесса заложены в деятельностных теориях перевода. В соответствии с ними единицей анализа являются элементарное речевое действие и речевая операция. В качестве действий здесь рассматриваются *способы представления смыслов языковыми выражениями*. Посредством языкового выражения автор фиксирует личностные смыслы, а переводчик-реципиент порождает свои на базе интерпретации представленных в тексте конвенциональных языковых единиц. Взаимообусловленность языковых единиц в структуре текста является основой, позволяющей переводчику обнаружить авторский мотив употребления тех или иных языковых элементов. В процессе коммуникации объективная реальность опосредуется благодаря присутствию субъективного начала, т.е. благодаря интерпретатору знаков, его языковому сознанию, а следовательно, преобразуется в семиотическую реальность. Это означает, что для интерпретирующего знаковая реальность, создающая знание об объекте, т.е. значение, конституируется не только набором потенциально присущих объекту признаков, а актуальными для инди-

вида фрагментами опыта. В речевом общении языковые знаки, чаще всего выступающие ориентирами, опорами для доступа к образу мира, обеспечивают его лишь во взаимодействии с другими психическими процессами: памятью, мышлением, восприятием, чувствами, волей и т.д. Содержание текста – это всегда перереконструирование текста читателем в соответствии с его проекцией понятого. Это дает основание считать, что восприятие и порождение любого текста представляют собой процесс «векторизации», в ходе которого понятийно-денотативная, речевая, эмоционально-оценочная структура личного опыта реципиента соотносится с понятийно-денотативной структурой воспринимаемого им текста, вызывая различную степень осознания, модификации, приращения смысла текста или его искажения. Переводческая деятельность, таким образом, предстает речесмыслопорождением, реконструкцией переводчиком на базе его концептуальной системы интегративного / доминантного смысла исходного текста [15].

При этом большинство переводоведов в настоящее время сходятся во мнении о том, что перевод представляет собой смещенную деятельность, интерпретацию, что смысловые различия, смысловой сдвиг – неотъемлемый компонент перевода, обусловленный его природой [16, 17]. Естественно, особенно в практической деятельности возникает вопрос, *в каком направлении* осуществляется такой сдвиг и *как* на его фоне найти основания для интеграции информации в разных этнических сознаниях, которая бы способствовала актуализации определенного содержания.

Ответ, на наш взгляд, можно найти при обращении к **когнитивной парадигме**, обладающей объяснительным потенциалом, тем более что есть основания рассматривать термины «интерпретативный» и «когнитивный» как рядоположенные. Достаточно вспомнить неоднократно высказываемое по этому поводу мнение В.З. Демьянкова о том, что интерпретация речи индивидом – это «вид когниции, непосредственным объектом которой является продукт речевой деятельности, а результаты и инструменты обладают разветвленной типологией и насквозь пропитаны личностными характеристиками» [18. С. 27]. Концепт – один из базовых терминов когнитивной лингвистики, он является операциональной единицей сознания, содержит информацию относительно положения вещей в мире. Интегрируя данные двух парадигм, психолингвистической и когнитивной, концепт может быть представлен как сложный смысл, в структуре которого выделяются определенные компоненты: тело знака, понятие, представление, предметное содержание, ассоциации, эмоционально-оценочные компоненты [15. С. 36]. Концепт имеет полевую структуру, в центре которой находится понятие или его отдельный признак, но отношения между его компонентами строятся по функциональному принципу. Это означает, что слово или другой

языковой знак, репрезентирующий концепт, может переместить с периферии в центр любой из его компонентов, оттеняя или высвечивая как определенные свойства и признаки реалии, так и разные аспекты репрезентации данной реалии в сознании человека. Подобное перемещение должно найти воплощение на формальном уровне при преобразовании текста оригинала в текст перевода.

Что привлекательного обнаруживает переводчик в интегративном подходе к концепту? На наш взгляд, прежде всего возможность получить ориентир в континуальном и безграничном пространстве смысла. Трактовка перевода как деятельности по подбору функциональных опор, направленных на создание интегративных когнитивных структур, которые активизируют соотносимые познавательные пространства у коммуникантов с разным этническим сознанием, позволяет рассматривать модель концепта, предложенную психолингвистами, в качестве опоры для прогнозирования и построения переводческой программы, для выбора переводческих стратегий и верификации качества осуществленных переводов.

Попытаемся пояснить сказанное на конкретном примере.

Адекватный перевод приведенного ниже предложения может возникнуть лишь при верной интерпретации информации, связанной с эмоционально-оценочным компонентом концепта, представленного лексемой *guerrillas*:

*Past links to terrorist groups... are proving useful in helping to free hostages held by Muslim guerrillas* [19].

Один из самых авторитетных англо-русских словарей под редакцией Ю.Д. Апресяна дает следующий перевод: *guerrilla* – 1. Партизан, боец. За рамками краткой словарной статьи остается содержание, необходимое для адекватного понимания иноязычного концепта, репрезентированного словом *guerrilla*. Исторический и дискурсивный опыт русскоязычного реципиента, его внутренний контекст выделяют в структуре значения русского коррелята *партизан* ярко выраженный положительный признак, поэтому прозрачный, казалось бы, смысл английского предложения вводит начинающих переводчиков в заблуждение. Внутренний контекст реципиента вступает в противоречие с внешним контекстом предложения. Не совсем ясной для русской ментальности остается информация о том, почему «партизаны» удерживают заложников, которых требуется освободить.

Вместе с тем отрицательная оценка присутствует в понятийном компоненте иноязычного концепта, что становится очевидным при анализе словарных дефиниций. В англоязычных словарях находим следующие определения: *guerrilla* – *a member of an unofficial military group, esp. one fighting to remove a government, which attacks its enemy in small groups unexpectedly* [ELAC]; *guerrilla* – *a member of an irregular military*

*force that uses harassing tactics against an enemy army* [AHD]. Отсюда в качестве одного из возможных вариантов перевода слова можно предложить лексему *боевик*.

Еще один компонент структуры концепта – *представление* – связан с передачей чувственного образа описываемых предметов и явлений действительности. Большинство из этих образов формируются в результате непосредственного контакта с реалиями и носят визуальный характер. Интересен, на наш взгляд, следующий пример:

В преддверии встречи лидеров «большой восьмерки» на японском острове Хоккайдо в 2008 г. американский журналист, описывая своим читателям прекрасный вид на местное озеро Тоя, отмечает:

*From there (atop Poromoi Mt in Hokkaido), visitors normally can see the doughnut-shaped Lake Toya* [20].

Автор статьи обращается к визуальному опыту американцев и использует языковую единицу *doughnut-shaped* для описания формы озера, сравнивая ее с формой традиционного и почитаемого в стране кондитерского изделия под названием *doughnut*, аналогами которого в русском языке выступают *пончик*, *пышка*, *пирожок*. Ср. *doughnut (also donut AmE) a small round often ring-shaped cake cooked in hot fat* [DELC]. Выбор предмета для сравнения, несомненно, удачный. Содержание познавательной структуры, индуцируемое зрительным образом, формируется у читателя на основе когнитивного механизма дефокусирования, мыслительного процесса, направленного на выведение из фокуса внимания определенных свойств объектов или ситуаций [21. С. 72]. Можно предположить, что в сознании англоязычного читателя отсеиваются, подавляются второстепенные для конкретного случая признаки и свойства реалии, о которой идет речь (*продукт питания, изготовленный из определенного вида теста, жаренный во фритюре и т.д.*), а в фокусе остается ее наиболее важная характеристика (*форма*). Эта характеристика канонизируется в североамериканской культуре, расширяет свои адаптационные способности и, воплощенная в стереотипную вербальную форму *doughnut-shaped*, служит общепринятым определением для описания большого числа разноплановых объектов действительности. Данные объекты могут относиться к посуде, мебели, ювелирным изделиям, архитектурным сооружениям, летательным аппаратам и т.д. Их объединяет одно – своеобразная кольцеобразная форма с приплюснутыми краями. В этот список попадает и форма природного ландшафта – озеро, о котором идет речь.

Однако перенос образного сравнения в русскую картину мира и использование для этого в качестве функциональной опоры русской лексики *пончик* или *калачик* едва ли будут успешными. Следовательно, от переводчика потребуются ситуативное преобразование в процессе перевода, и один из возможных вариантов текста на переводящем языке может быть следующим:

*Отсюда (с горы Поромои на острове Хоккайдо) посетителям открывается вид на имеющее форму кольца озеро Тоя с его внутренним островом (перевод мой. – Т.П.).*

Еще один подход к передаче смысловой информации текста предлагает Д.М. Бузаджи, представитель лингвистической школы перевода, складывающейся в настоящее время в Московском государственном лингвистическом университете. Он основан на **функционально-коммуникативной** перспективе и, на наш взгляд, с одной стороны, сопоставим с выбором оснований для переводческих стратегий, обозначенных в описываемых ранее подходах, при известном различии в использовании терминологии, а с другой – вносит дополнения, уточнения и наглядность, важные для аргументированного выбора единиц языка перевода, приближая таким образом теорию к переводческой практике.

В статье, посвященной описанию сути предлагаемой модели, автор поясняет, что коммуникативная адекватность перевода достигается за счет передачи функционального и информативного «рисунков» оригинала. Первый из них ассоциируется с «розой ветров», рядом векторов, равнодействующая которых определяет характер анализируемого текста или его отрывка (информативный, воздействующий, эстетический) и предусматривает еще одну дополнительную оппозицию по линии «авторское – общеязыковое» («идиолектное» – «конвенциональное»). Под информативным рисунком понимается «набор актуализированных, существенных для коммуникации смыслов, содержащихся в отрывке текста оригинала и подлежащих переводу» [22. С. 53]. Четыре вида смысловой информации – ситуативная, экспрессивно-оценочная, ассоциативно-образная и стилевая – могут быть представлены в сопоставляемых текстах с разной полнотой.

В описываемой модели переводческого процесса с учетом виртуального сравнения функционального рисунка оригинала и перевода предлагается графическое изображение двухуровневой схемы сопоставления текста (текстового фрагмента) оригинала и перевода. Первый уровень – уровень формы, фонетической, морфологической, словарной, синтаксической и идиоматической, передает конвенциональность употребленных в сравниваемых текстах языковых средств. Он изображается в виде пяти соответствующих каждому типу формы осей координат, а рисунок конвенциональности передан замкнутой кривой, пересекающей эти оси на разных расстояниях от центра в зависимости от конвенциональности той или иной формы слова. На втором уровне – уровне содержания – кривая на осях координат позволяет оценить и сопоставить полноту каждого из четырех видов информации, выражаемого в коммуникативном фрагменте оригинала с предполагаемым переводом (переводами) [22. С. 50].

Попытаемся интегрировать положения, которые предлагает переводчику каждый из трех подходов, и провести сравнительно содержательный анализ нескольких текстовых фрагментов из эссе И. Бродского *Watermarks* [23] и его перевода «Набережная неисцелимых», выполненного Г. Дашевским.

Венецианское эссе – страстно-сдержанное признание в любви зимней Венеции, непревзойденному по своей красоте городу на воде. Вспоминая свой первый приезд: пристань, ночь, запах замерзающих водорослей, с детства являющийся для героя синонимом абсолютного счастья, и знакомую, пришедшую его встретить, единственное существо, которое он знал в том городе, автор пишет:

1. *Then I saw the only person I knew in that city; the sight was fabulous* [22].

*Тут я увидел единственное человеческое существо, которое знал в этом городе; картина была сказочная* [Там же. С. 103].

Напомним, что психолингвисты обычно акцентируют необходимость включения в предметную область переводоведения проблем понимания, особенно когда переводу подлежат образы субъективной реальности (термин Г.И. Богина). Чаще всего это происходит в процессе переводов художественных произведений, когда рефлексия, сопровождающая встречное смыслопорождение, основана на синтезе жизненного и дискурсивного опыта переводчика. В таких случаях актуализация языковой формы соотносится с постоянным изменением в смысловом пространстве произведения – в результате смыслы наращиваются, растягиваются, появляются новые. Это влечет за собой дополнительные проблемы выбора стратегий в принятии переводческих решений.

Именно такой случай представлен в анализируемом эссе. Если принять во внимание билингвизм Бродского, то, вероятно, выбор лексемы *sight* в описываемой ситуации общения, сознательно или подсознательно, навеян пушкинскими строками, посвященными А.П. Керн. Отсюда в переводном варианте непроизвольно напрашивается существительное *виденье*. Оно представляется более уместным в данном контексте [24. С. 47], тем более что предложенный переводчиком вариант *картина*, в отличие от *виденье*, не выводит на эмоционально-образную составляющую концепта «красота», доминирующего в эссе Бродского, и лишает адекватности тексты оригинала и перевода. Причем это происходит не только из-за искажения информативного рисунка оригинала, привнесенного несоответствием в тексте перевода экспрессивно-оценочных и ассоциативно-образных видов информации (уровень содержания). Это обусловлено и несовпадением конвенциональности, стереотипности использования избранного переводчиком слова *картина* в речи (уровень формы).

Действительно, языковая единица *sight*, появившись однажды в тексте оригинала, дистантно повторяется на протяжении нескольких страниц и становится образно-эмоциональным маркером описания венецианской знакомой писателя. Этот момент не может не учитывать переводчик при выборе своих стратегий для сохранения в тексте перевода особенности авторского повествования, т.е. функционального рисунка оригинала. Однако вариант *картина* соответствует оригиналу далеко не на всех уровнях эквивалентности. Ниже представлены семь случаев контекстуального повтора лексемы *sight* и ее переводов в тексте эссе. На наш взгляд, все они объединены отсутствием конвенциональности выражения заданного смысла, так как автор отходит от общезыкового стандарта. Причины такого отступления разные, но все они обусловлены межъязыковой асимметрией. Она проявляется на референциальном уровне (2), обусловлена нарушением сочетаемости (7), межъязыковыми несоответствиями на морфологическом (5), лексико-семантическом (6) уровнях и в целом демонстрирует неоправданные случаи переводческого буквализма (4).

2. *The sight had come there in the guise of a Slavacist* [23. Р. 11]. – Тогда **картина** явилась в облике славистки [Там же. С. 103].

3. *That nearly disqualified the sight as a subject of interest in the eyes of the coterie to which I belonged* [23. Р. 11]. – Последнее чуть не зачеркнуло **картину** как объект интереса в глазах моей компании [Там же. С. 103].

4. *So we regarded the sight as the physical extension and embodiment of our ideals and principles* [23. Р. 13]. – Мы считали **картину** физическим продолжением и воплощением наших идеалов и принципов [Там же. С. 105].

5. *So pretty was the sight...* [23. Р. 13] – **Картина** была такой хорошенькой [Там же. С. 105].

6. *The nutria-clad sight next to me began to explain* [23. Р. 14]. – Рядом со мной **картина** в нутрии объясняла... [Там же. С. 103].

7. *...in the wake of the sight's dimming* [23. Р. 29]. – ...вслед за тем, как **картина** померкла [Там же. С. 110].

Соблюдение конвенциональности при выражении смысла – важная составляющая профессиональной компетенции переводчика. На их тесную связь указывает Н.К. Рябцева [4]. Исследователь замечает, что «профессиональный переводчик не столько “переводит”, сколько стремится выразить заданный в оригинале смысл так, как это “принято” в языке перевода, т.е. идиоматично: общепринято, аутентично и потому наиболее понятно. Так что исходными довольно парадоксальным условием творческого переводческого мышления выступает поиск наиболее стандартного, стереотипного для данной ситуации выражения в языке перевода» (курсив мой. – Т.П.) [Там же. С. 65–66].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующий вывод. Междисциплинарность – результат интегративных процессов, проис-

ходящих в современной науке. Представляется, что ссылки на небрежное обращение с терминами или отступление от методологических принципов в новых дисциплинах – результат влияния «человеческого фактора», а не системная черта междисциплинарности, визитной карточки современной науки. Здесь уместно вспомнить своего рода предсказание В.И. Вернадского, который полагал, что в результате роста научного знания произойдет стирание жестких границ между отдельными науками, что приведет ученых к необходимости, в целях более глубокого проникновения в суть объекта исследования, специализироваться не по наукам, а по проблемам.

### *Литература*

1. *Петрова О.В., Сдобников В.В.* О зеленом соке и соленом электричестве. Чему и как учить будущих переводчиков // *Мосты*. 2012. № 1 (33). С. 42–47.
2. *Бузаджи Д.М., Ланчиков В.К.* Скорбный список. О бедах современного российского переводоведения // *Мосты*. 2012. № 4 (36). С. 42–56.
3. *Орел М.А.* Лучше горькая правда. Ответ на статью Д.М. Бузаджи и В.К. Ланчикова «Скорбный список. О бедах современного российского переводоведения» // *Мосты*. 2013. № 1. С. 60–62.
4. *Рябцева Н.К.* Прикладные проблемы переводоведения. Лингвистический аспект. М. : Наука, 2013. 224 с.
5. *Крюков А.И.* Фоновые знания и языковая коммуникация // *Этнопсихоллингвистика* / отв. ред. Ю.А. Сорокин. М. : Ин-т языкознания РАН, 1988. С. 19–34.
6. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М. : Наука, 1988. 216 с.
7. *Сдобников В.В.* Коммуникативный эффект в двуязычной коммуникации: уточнение понятий. М., 2010. С. 121–130.
8. *Цвиллинг М.Я.* Переводоведение как синтез знаний // *Тетради переводчика*. 1999. Вып. 24. С. 32–37.
9. *Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа) // *Язык и наука конца 20-го века* : сб. ст. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 144–238.
10. *Бибихин В.В.* О проблеме определения сущности перевода // *Тетради переводчика*. М. : ИМО, 1973. С. 3–14.
11. *Пишеницын С.Л.* Культурологический подход к переводу: теоретическое значение // *Studia Linguistica*. Вып. 7 : Языковая картина в зеркале семантики, прагматики, текста и перевода. СПб., 1999. С. 185–199.
12. *Рябцева Н.К.* Теория и практика перевода: когнитивный аспект // *Перевод и коммуникация*. М. : Ин-т языкознания РАН, 1997. С. 42–63.
13. *Сорокин Ю.А.* Введение в этнопсихоллингвистику. Ульяновск, 1998. 138 с.
14. *Пишеникина Т.Г.* Гетерогенность оснований психоллингвистических моделей перевода // *Филология и человек*. 2011. № 4. С. 48–58.
15. *Пищальникова В.А.* Психопоэтика. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 1999. 176 с.
16. *Нестерова Н.М., Соболев В.Я.* Трансляция текста в социокультурном пространстве // *Россия – Запад. Диалог культур*. М. : МГУ, 1998. Вып. 6. С. 239–248.
17. *Пишеницын С.Л.* О смысловых различиях при переводе // *Studia Linguistica*. Вып. 9 : Коммуникативно-прагматические и художественные функции языка. СПб., 2000. С. 76–83.
18. *Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // *Вопросы языкознания*. 1994. № 4. С. 14–33.

19. *USA Today*. 2001. May 18.
20. *Yahoo News*. 2008. July 7.
21. **Ирисханова О.К.** Концептуальный анализ и процессы дефокусирования // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. тр. Москва ; Калуга, 2007. С. 69–77.
22. **Бузаджи Д.М.** Векторы смысла. О функциональном подходе к переводу // Мосты. 2008. № 3 (19). С. 43–59.
23. **Brodsky J.** Watermark // Бродский И. Набережная неисцелимых: Эссе / пер. с англ. Г. Дашевского. СПб., 2005. 192 с.
24. **Козлова Л.А.** Эмоционально-ассоциативная аура слова и ее учет при переводе // Филология и человек. 2007. № 3. С. 41–48.

#### MULTIDISCIPLINARY ASPECT OF TRANSLATION AS AN OUTCOME OF INTEGRATION PROCESSES IN MODERN LINGUISTICS

**Pshenkina Tatiana G.** Altai State Pedagogical Academy (Barnaul, Russian Federation).  
E-mail: t\_pshenkina@hotmail.com

**Key words:** translation; theory and practice of translation; paradigm of knowledge; expansionism; knowledge integration.

A multidisciplinary aspect of translation results from the integrated processes of Modern Linguistics. The complex nature of translation has been obvious for centuries as it is a meeting point of diverse knowledge and experience, yet the pros and cons of such meeting need a closer exploration to avoid misunderstanding in terminology and subject – object relations. The article explores a combined power of three paradigms – communicative, psycholinguistic, and cognitive – to reconstruct and construct speech in the process of intercultural communication. The advantages of such enterprise are plausible as they are based on the conception of language as only *one of* the mental faculties of a person alongside with a number of others.